

«ДОКТОР» ГИНЗБУРГ

Я не хотела сниматься в кино. И боялась. Как бояться зубного врача. По недоразумению — я до сих пор так думаю — оказалась в одиннадцать лет на студии детских фильмов, почему-то имени Горького (наверное, он любил детей, а может, у него было несчастливое детство). Из массы школьников выбрали и привели на кинопробы меня. Фильм «Пятнадцатая весна» про подвиг героя-пионера Саши Чекалина. Им был сын Баниониса — Райма. Я была его первой любовью. Его Джульеттой...

Дикая ситуация. Кругом все чужие. Из другой среды — незнакомой, «киношной», божественной. Девочке из хорошей семьи это все ни к чему. Если б не Валерий Аркадьевич...

Увидев его, я успокоилась. Стоял мой... если так можно сказать, родственник. Именно родственник. Такие люди, такие лица приходили к нам домой, дружили с родителями, звонили моей бабушке.

Претенденток было немало, и меня утверждали с сомнениями. Я очень стеснялась и с трудом понимала, чего от меня хотят. И тогда Валерий Аркадьевич — оператор (теперь мне ясно — главный человек в кино) — успокоил режиссера Инну Туманян. И таким образом решил, совсем этого не предполагая, мое будущее.

С тех пор мне везло. На операторов. Княжинский, Калашников, Рерберг,

Юсов, Лебешев, Карюк, Клименко. Но Валерий Аркадьевич был первым. И сделал мое появление на свет — в кино — совершенно безболезненным. Как анестезиолог.

Мою патологическую стеснительность можно было, видимо, побороть только домашними средствами. И Валерий Аркадьевич ими разумно пользовался. Это терпение доктора я оценила гораздо позже. Когда сама стала доктором, не порывая с кино, в которое, не поранив, ввел меня Валерий Аркадьевич. В нем было важно не столько изображение, о котором я имела смутное представление, сколько сердечность, оживлявшая его стиль. Удачно ли он снял меня, выставив в выгодном свете лицо, не имело уже никакого значения.

В нем я почувствовала особую кинематографическую породу, которую потом мгновенно определяла в других. Меня уже нельзя было никогда обидеть на площадке, пренебречь моим соучастием или нахамить. С тех пор, со времен Валерия Аркадьевича, операторы — мои товарищи. У артистки и человека за камерой — свои, никому на съемочной площадке не доступные отношения. Никому неведомый биоритм.

Мой первый вопрос всегда об операторе. Я никогда благодаря Валерию Аркадьевичу не сталкивалась со шпаной. И была застрахована на всю дальнейшую жизнь в кино.

С ним было здорово начинать.

● Татьяна ДРУБИЧ

Выписка из творческой карточки В. А. Гинзбурга

Специальность: кинооператор-постановщик.
Категория: высшая.
В числе картин, снятых В. А. Гинзбургом: «Солдат Иван Бровкин» (1954 год), «Когда деревья были большими» (1961), «Живет такой парень» (1964, приз Венецианского фестиваля), «Ваш сын и брат» (1965, Госпремия РСФСР), «Комиссар» (1966, запрет, 18 лет «на полке», международные призы), «Странные люди» (1968), «Держись за облака» (1969—70, выговор за непочтительное отношение к революционной теме), «Пятнадцатая весна» (1971), «Деревня Утка» (1975), «Русская дева по прозвищу Пышка» (1988), «Александр Галич. Изгнание» (1989), «Простодушный» (1991—92).

ВЗГЛЯД ДОЛЬШЕ ЖИЗНИ

В Парке звезд в октябре посадили дерево Валерия Гинзбурга.

И рядом с ним — деревья Александра Галича, Николая Каретникова и о. Александра (Меня)

Когда уходит киноактер, остаются его лицо, голос, жест... Это мучительно для близких? Или, наоборот, утешает их? Когда уходит кинооператор, остается его взгляд. И это удивительно — возможность видеть мир глазами человека, которого нет рядом и уже не будет.

Такое продолжение любви, попирающей смерть. Год назад не стало Валерия Аркадьевича Гинзбурга, Аркадича, как его называли многие. Пересматриваю «Комиссара» и продолжаю разговор с Аркадичем. О том, о чем при его жизни поговорить не успел, хотя была же такая счастливая возможность! Но то ли сиюминутное отвлекло, то ли — вечное. Дело в том, что старший брат Валерия Аркадьевича — Галич. И, конечно, при всяком удобном случае я расспрашивал о нем. Эта острая, с привкусом недожизненности любовь к Галичу-поэту и вольнодумцу жаждала все новых подробностей о Галиче-человеке.

А младший брат тоже родился поэтом и внутренне свободным человеком. Только этот его дар запечатлелся не бумага, а кинопленка. И то, и другое — вещи, в общем, даваемые. Но трех- и более мерны строчки и кадры, оставшиеся на них.

Без дополнительных технических ухищрений стереоскопия в кино достигается только взглядом оператора. Если он поэт. Мне повезло, я знаю взгляд одного такого оператора не только по фильмам.

К сожалению, в публикациях о кино — по крайней мере в массовых изданиях — оператор как бы вынесен за скобки. Интервью берутся у актеров и режиссеров, статьи пишутся тоже о них. Сегодня мы нарушаем эту дурную традицию.

Валерий Аркадьевич Гинзбург всю свою жизнь показывал людям. Попробуем нашими ограниченными средствами показать, хотя бы в первом приближении, его самого.

● Олег ХЛЕБНИКОВ

МЫ УЧИЛИСЬ ЛЮБИТЬ

«Простодушный» снимался тяжело. На кораблях, на берегу моря. И скалы, и рельсы надо положить... Требовалось много чисто физических затрат. Валерий Аркадьевич ни разу не сказал «я устал», или «давайте сделаем перерыв», или еще что-то... У него есть помощники, но он хватается, несет, торопится. Режиссер кричит: «Валерий Аркадьевич, поставьте это, без вас перенесут!» А он машет рукой. Чуть ли не прибор пытаясь передвигать осветительные — тяжелые.

И еще мы снимали в этих знаменитых декорациях (действительно самых больших за историю советского кинематографа) — в I-м павильоне «Мосфильма» построили Версаль... И что-то недоделали, пришлось на скорую руку менять... И Валерий Аркадьевич говорит: «Так нельзя, подождите, все-таки давайте добьемся, как было задумано вот этот кадр сделать, эту сцену снимать, и свет должен стоять...» И уже режиссер стал заводиться: «Мы не успеваем! Валерий Аркадьевич, давайте не будем!» Он сказал: «Ну, хорошо-хорошо, давайте, переставляем, переделываем... давайте — меняем свет». Стали менять, переставлять, и он ушел куда-то в сторонку, отвернулся... Там — эти переходы, ну, город построен — какие-то кабачки, комнаты. Вот, он куда-то сел и... заплакал! А это было рядом с нами. Мы смотрим, а он сидит и сам с собой разговаривает, ругается сам с собой: «Так нельзя, так нельзя! Так можно картину проиграть!»

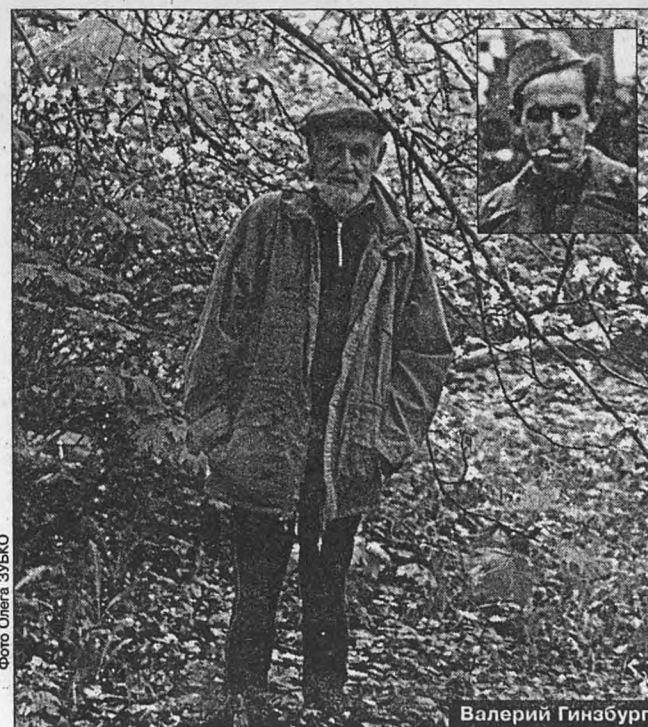
Мы на это смотрели, и у нас прямо... сейчас рассказываем — и то слезы проступили. Не от жалости к человеку, а оттого, что ты видишь такую преданность профессии... Мы потом на других картинах встречались с людьми, которым наплевать: ну какая разница — шаг вперед, шаг вправо, здесь подкрасили — не подкрасили... да кто это видит, кому это надо?

А хочется, когда ты работаешь, испытать это вот неимоверное ощущение значимости того, что ты делаешь, и значимости такой — «это моя жизнь»... Чтобы сделать и выложить полностью. Как Валерий Аркадьевич. Это не просто достойно уважения, это говорит о том, что вот — большой художник. Можно оспаривать все что угодно. Но отношение к делу оспаривать невозможно, и обмануться в отношении к делу тоже невозможно...

Потом мы всегда встречали Валерию Аркадьевича с Люсей (женой) на всех новых картинах в Доме кино. Ему было интересно! Потому что он всегда был в состоянии творчества — снимал ли, не снимал, и это было видно.

И еще одно потрясающее свойство: никогда никого ни за что не осуждать.

● Сергей МАХОВИКОВ,
Лариса ШАХВОРОСТОВА
(поженились в конце съемок «Простодушного»)

НЮАНС ПАУЗЫ

Проблема, которая для меня очень интересна: почему мы хотим воздействовать на других людей, что это за желание, что это за одаренность?

Каждый раз, когда я встречаю в своей жизни талантливых людей, у меня этот вопрос возникает.

На съемочной площадке многие вещи для меня трудны, трудное состояние. Я театр люблю, театр уже успел избавить себя от лишнего. В театре мало случайных людей, в кино можно сказать — фифти-фифти. И очень много равнодушных людей. Это Феллини гениально сделал в «Репетиции оркестра». Помните администратора?

Поэтому когда в искусстве появляются такие, как В.А. Гинзбург, — сидные, с прессин-

ДОВЕРИЕ К РЕАЛЬНОСТИ

Профессия оператора, мир оператора — реальность и свет. Кинематограф В. Гинзбурга — это повседневный мир, пронизанный светом, умение выхватить такой фрагмент, чтобы не потерять солнца, которого, может быть, и нет...

В то время, когда на полях кинематографической эпохи с одной стороны — экспрессионизм Урусевского, с другой — декоративные эксперименты Параджанова и Ильенко, творчество Гинзбурга располагается в середине. Не гонимая за модой, не гонимая за абстракцией и не погружаясь в быт, рождается поэтический кинематограф — простор стилистической свободы, свободы внутренней.

Двойная сущность профессии оператора — взаимодействие нравственных категорий и реальности. Органическая нравственность Гинзбурга — доверие к реальности, обнаружение в камне цвета. Для него реальность не была просто бытом — необходимость высвободить свет жила в нем задолго до философских вопросов, которые каждый человек однажды себе задает. Большинство операторов — интраверты. Погружаясь в себя, теряют контакт с миром. Оператор подлинный любое происшествие во внешнем мире воспринимает не досадой, в предвидении, что мир правильнее, чем любое наше правильное представление о нем. Щедрость, которая может вобрать в себя богатство мира.

Когда мы с ним встречались, разговаривали (он с удовольствием приходил к нам в Музей кино), не покидало чувство, что, разговаривая с тобой, он придумывает, что бы тебе подарить, чем помочь. Готовность отдать!

К сожалению, мало режиссеров, которые могли бы все это использовать. Еще во времена ВГИКа режиссеры от себя отталкивали идеологиями и спесью. А в нашем кинопроизводстве концепция определяет режиссер. В голливудской модели — актер-звезда и продюсер, — что не лучше. Редко возникает пинг-понг, как у Орсона Уэллса и Грегга Толанда или Эйзенштейна и Москвина.

В этом трагедия оператора, адекватного себе и профессии.

● Наум КЛЕЙМАН

гом... Он был такой... заряженный на борьбу. Так и творил, создавал. Свет ставил. Я думаю, это важно.

Я умышленно не говорю о профессии... а как же иначе. Всегда вспоминаю... «очень хороший фигурист, но на коньках кататься не умеет», ну как это может быть? Так и здесь.

Сейчас большой дефицит таких, каким был Валерий Аркадьевич. Личностей. А то есть ведь такие бригады-осветители, которые вам поставят свет за оператора...

И еще — нюанс. Нюанс во всем. Нюанс паузы. Вот это мастерство. И это художник, творец. Поэтому жалко, когда такие люди уходят. Главное, что мы у них не учимся.

● Армен ДЖИГАРХАНИЯ